

Владимир Короткевич

ВЕЧНЫЙ ОТБОЙ

Музей писателя Владимира Короткевича (1930—1984) открыли в его родной Орше в 2000 году, и с тех пор он стал центром литературной жизни. В нем проводят литературные вечера. Экспозиции меняются, но есть объекты постоянные: это рабочий стол из минского кабинета писателя — совсем маленький и простой, — отпечатанная на машинке Короткевичем рукопись «Черного замка Ольшанский» и часть книжных стеллажей из его кабинета. Шаг — и попадаешь в далекое прошлое, это киевские студенческие фотографии. Еще шажок — в оршанское отрочество, с удочкой и рыбой... Самые известные книги Короткевича — «Дикая охота короля Стаха», «Христос остановился в Гродно» и «Черный замок Ольшанский». Фильмы, снятые по ним, многие знают. Еще Короткевич — создатель нового в белорусской литературе жанра исторического детектива. Но совсем уж немногие знают его как поэта. Интересный факт — семья Короткевичей была русскоязычной и родители не говорили на языке предков. Белорусскому языку Владимир Семенович выучился по собственному желанию у деда, и начал писать на языке своей «краіны». В чем-то наивные, местами затянутые, эти стихи подкупали искренностью, неподдельным восхищением жизнью — такой, какая она есть. В них есть одна очень важная, на мой взгляд, вещь. Это вера в лучшее будущее людей, в то, что никакие горести не могут сломить дух, если он жив в человеке.

ЕЛОЧКА

...А елку выбросили за сарай.
Она лежит и грустно ей одной.
Желтеют ее иглы, опадают,
И снег на них ложится кружевной.
Вчера цепляли свечечки витые —
Сегодня вынесли на холод и на страх.
Блестят дождя косички золотые,

Не снятые с иголок впопыхах.
Забывая, скучает за сараем,
И ловит свет сквозь снежную метель.
Она лежит и тихо вспоминает
Игрушки, мишуру и канитель.
Но чередой событий все ж гордится:
Пусть иглами все суше и желтей,
Пусть больше мишурою не искрится —
Она жива еще в сердцах детей.

БЫЛ. ЕСТЬ. БУДУ

Живу я всегда как проклятый
Немолчной бездонной тревогой
И сердце мое распято
За все миллиарды двуногих.
За всех, поднимающих пашни,
За всех, льющих в пекле металл,
За строящих цехи и башни,
За тех, кто живет и кто пал,
За тех, кто огнем палимый,
Сошел с подлой тропки рабства
За тех, кто за край свой родимый,
И за всеобщее братство,
Даже на Господа Бога
Не побоится подняться.
За всех, кто корчится в поле,
Но край свой спасает от краха,
Кто храбро в небесную волю
Глядит с баррикады и с плахи,
Кто смерти совсем не боится,
Ее усмешки приветной,
А строит, пока что невидный
Храм всеобщий и светлый.
Когда ж засияет в зените,
Тот храм всем людям на радость,
Вы с сердца распятого каплю возьмите
Последнюю.
Больше не надо.

И пусть она где-то на парапете
Горит и детей не страшит
На границе любви,
На границе рассвета,
На границе величья души.

УЛИЦА КОСМОНАВТОВ¹

В городе без троллейбусов, у приречных раки
На улице Космонавтов домик мамы стоит.
На улице Космонавтов, в летнем бубнеже шмелей
На самой любимой улице, из всех что есть на земле.

В ряд уместились домишки в коралловых гроздьях рябин —
Шестнадцать одноэтажных и двухэтажный один.
А рядышком с ними возносятся над кущей садов золотых
Труба и цеха пивзавода, и дом общины глухих.

Кто там смеется язвительно? Уж лучше ему замолчать.
По уличной этой пыли я удочки нес на плечах.
Тут мама моя у окошка, как выплывет месяца рог,
Ждет возвращения сына с далеких-далеких дорог...

Осенним дождем безнадежным, весной, когда гонят коров
Единственная из улиц, душа моя и любовь.
Нигде на свете не видел пышнее ее георгин,
Важнее гусей, будто с Марса сюда явились они.

Нигде так не богато не кормит плодами вишневый сад,
Нигде нет таких крикливых младенцев и нежных девчат.
Девчат, что всю ночь до рассвета купальскою доброй порой
Поют свои тихие песни про вербу над тихой водой.

Пойте, девчата, дайте передохнуть соловью,
Прячась под ивой плакучею я у Днепра стою...
Чтоб сердце не надрывалось в черный полночный час,
Чтоб о потере не плакало, стою и слушаю вас...

¹Теперь улица Короткевича.

Улица Космонавтов сбегает в ложину с горы,
Исток ее в городе, устье — у самой речной воды.
Направо — дома и краны, вьются над ними дымы.
Налево — Днепр и обрывы, яблоневые сады.

Теперь далеко за полночь, и окна погасли все,
Над ней белорусское небо в своей вековечной красе;
Ярчает звезда Капелла, синее вино в Ковшах,
Мелкой серебряной пылью клубится небесный Шлях.

Пойте, девочки, пойте — росным полям и лесам
С улицы Космонавтов — серебряным небесам.
Спасибо за отдых, сад мой вишневый цвел неспроста.
Я тороплюсь. Уезжаю. Дороги не видно конца.

И мне на чужбине светит, в пустыне далеких земель,
Улица Космонавтов — пустая моя колыбель.

ПРОРОК ИЕРОНИМ БОСХ

«Вниманье! Вниманье! Вниманье!

Готовится атомный взрыв.

Прячьте детей и книги,

Прячьте земные дары,

Рукописи и партитуры

Бетховена и Гуно!

Прячьте картины Босха —

Он знал про это давно».

Станный, дивный художник!

В средневековой теме

Сидел он перед мольбертом,

Свечи горели и тени

Теснились в углах мастерской,

Тени бежали по краскам,

Подобные тем что нависли

Над бедной землею родной.

Испанцы край захватили,

Люд на кострах сжигали,

Жить и дышать не давали,
А только существовать.
Малых детей швыряли
На шпаги и на ножи,
И нечем было смеяться
Творцу, что с правдой дружил.
Поэтому у Иеронима
Не сердце в груди — головешка,
Нет на губах у Босха
И самой малой усмешки.
Он видел, что души согбенных
Не сталь, а безвольный воск.
И потому пророчил
Этим никчемным людям
Художник Иероним Босх.
Неукротимой фантазией
Воссоздавал их уродство.
Слышатся звуки рыданий
Сквозь трещины на полотнах.
Летают мертвые птицы,
Пылают живые кусты,
Твари грифоголовые
Режут себе животы.
Вот головы ходят без ног,
Отдельно — зады и колени.
Отбрасывают пожары
Темные голые тени,
Сквозь дым и пламя ярое,
сквозь пепельный мутный свет
движутся танки, которых
в то время не было, нет!
Да как же сумел он предвидеть,
Что через сто поколений
Вылупятся, оживая,
Твари его творений?
Что из окопов разом —
Поднимутся стар и млад —
Будут бросаться на танки
С тяжелой связкой гранат.
Вы, восковые души,

С цепей кошмары спустили,
Вы над росной землею
Смерти грибы взрастили...
Это давно пророчил
Босха тревожный мозг.
А все ж одного не ведал,
Великий Иероним Босх,
Он — душевед, ясновидец,
Знавший моря и сушу,
Не мог он узнать что в мире
Стальные вырастут души,
Что на трусливых и хищных
Поднимется их рука
И вытрясет их из шкуры,
Картошкой гнилой из мешка.
«Вниманье! Вниманье! Вниманье!
Взрывов больше не будет!
Несите скульптуры и книги!
Пойте и смейтесь, люди!
Несите младенцев спящих
Под солнечных звуков прибой!
Несите картины Босха!
Отбой! Вечный отбой».

●

Ну, прощай, сожалений не надо,
Что мне в них, если болью и злом
Обливают слова сладким ядом,
Будто месяц холодным теплом.
Твои руки — медовые соты,
Только где же твоя доброта?
Что мне солнце над небосводом,
Если в сердце твоём мерзлота?

ЕРЕТИКИ

Не злобитесь на еретиков,
Мир стоит, пока они — живые.
Мир без них — собранье простаков.
Не тяните в небо ваши выи.

Мы мудры, пока мудрят они.
Есть они — и будет нам везенье.
Так не жги огнем их, не кляни,
Господа моли об их спасенье.

•

Огонь с горы и — вспыхнул дом свечой.
И мертвой тучей пепел над Содомом.
Ну что ж, все сызнова, с нуля начнешь,
Коль не осталось прошлого и дома.

И если с ничего пришлось начать —
Иди сквозь дым исчезнувшей святыни,
И не жалеи ни плуга, ни меча
Для мира нового, где все пока — пустыня.
Там будет ворона седого крик,
И пыль в глазах, и боль в соленых мышцах.

Уж коль решился все с нуля... — Иди!
И не оглядывайся —
В камень превратишься!

*Вступительное слово
и перевод с белорусского Елены ДАНЧЕНКО*